

Александр Николаевич Островский.

Бедность не порок

Оглавление

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гордей Карпыч Торцов , богатый купец .

Пелагея Егоровна , его жена .

Любовь Гордеевна , их дочь .

Любим Карпыч Торцов , его брат, промотавшийся .

Африкан Савич Коршунов , фабрикант .

Митя , приказчик Торцова .

Яша Гуслин , племянник Торцова .

Гриша Разлюляев , молодой купчик, сын богатого отца .

Анна Ивановна , молодая вдова .

Маша ; Лиза , подруги Любове Гордеевны .

Егорушка , мальчик, дальний родственник Торцова .

Арина , нянька Любове Гордеевны .

Гости, гости, прислуга, ряженные и прочие .

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святков.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая приказчицья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка (*читает*). «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя . Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (*зажмает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться*). Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. (*Читает.*) «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» (*Зажмает пальцем.*) Только такой сердитый, что беда! Я уж ушел – все ругается. (*Читает.*) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду...»

Митя . На кого же он сердит?

Егорушка (*опять зажмает*). На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. (*Читает.*) «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя (*взглянув в окно*). Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка (*прячет сказку в карман*). Побежать наверх. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Митя (*один*). Эка тоска, Господи!... На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!... Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!... А тут еще... Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. (*Садится к конторке и задумывается, потом запекает.*)

Красоты ее не можно описать!...
Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это... ах!... Я так думаю, и не привидано такой красоты! (*Задумывается, потом поет.*)

Уж и где ж эта родилась красота...

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!... Душу-то всю истерзал тосковавши. Ах ты, горе-гореваньице!... (*Закрывает лицо руками и сидит молча.*)
Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна . Митя, Митенька!

Митя . Что вам угодно?

Пелагея Егоровна . Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенок попоете.

Митя . Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна . Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя . Хорошо-с, зайду непременно.

Пелагея Егоровна . Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?...

Митя . К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна . Да, да! Вот навязался, прости Господи!

Митя (*подавая стул*). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна . Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. (*Садится.*) Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!... Подружились ведь так, что н#9633;-поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

Митя . Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна . Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор – и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего стоит! Мне, говорит здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай Бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно – хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!... Надень, говорит, чепчик!... Ведь что выдумает-то!...

Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось. (*Молчание.*) Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!... Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русской-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя . Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна . Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!... Ан вот есть!... А у него все нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя . Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна . Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (*Встает.*) Заходи, Митенька.

Митя . Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна . Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька ужо к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин . Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна . Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя . Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись;

Гуслин садится на кровать и берет гитару.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин . Что народу было на катанье!... И ваши были. Что ж ты не был?

Митя . Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин . Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя . Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Гуслин . Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо – люди богатые и добрые.

Митя . Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин . Отчего же так?

Митя (*встает*). Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Гуслин . Скажи мне.

Митя (*махнув рукой*). Зачем!

Гуслин . Да скажи, что за важность!

Митя . Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин . А почему знать?

Митя (*подходит к Гуслину*). Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин . Что ты, Митя?! Да как же это?

Митя . Да вот как-никак, а уж сделалось.

Гуслин . Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не р□живаться.

Митя . Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!...» (*Говорит с сильными жестами*.) «Полюбил я красну девицу, пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Гуслин . Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, – да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжелше будет.

Митя (*декламирует*).

Что на свете прежестoko? -

Прежестока есть любовь!

(*Ходит по комнате*.) Яша, читал ты Кольцова? (*Останавливается*.)

Гуслин . Читал, а что?

Митя . Как он описывал все эти чувства!

Гуслин . В точности описывал.

Митя . Уж именно что в точности. (*Ходит по комнате*.) Яша!

Гуслин . Что?

Митя . Я сам песню сочинил.

Гуслин . Ты?

Митя . Да.

Гуслин . Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя . Хорошо. На, вот. (*Отдает ему бумагу*.) А я напишу немного – дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. (*Садится и пишет*.)

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос;

Разлюляев входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Разлюляев.

Разлюляев . Здравствуйте, братцы! (*Наигрывает на гармонии и приплясывает*.)

Гуслин . Эко дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев . Известно на что - играть. Вот так... (*Играет*.)

Гуслин . Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев . Что ж, не брошу разве!... Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег что ли у нас нет? (*Бьет себя по карману*.) Звенят. У нас гулять – так гулять! (*Бросает гармонию*.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Митя (ударяет Митю по плечу), а Митя! Что ты сидишь?

Митя . Дело есть. (Продолжает заниматься.)

Разлюляев . Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух, ходи!... (Поет: «Одна гора высока» и проч.) Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж, у нас денег что ли нет? Вот они!... А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя . Ну гуляй на здоровье.

Разлюляев . А после праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин (Мите). Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев . Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин (поет).

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи.
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!...
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не заноба-девушка -
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев . Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватит. (Вздыхает.) Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть – нынче праздник. (Поет.)

Ух! Как гусара не любить!
Это не Годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя . Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев . Ладно! (Садятся.)

Гуслин (запеваает; Митя и Разлюляев подтягивают).

Размолодчики вы молоденькие,
Вы дружки мои...

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч . Что распелись! Горланят, точно мужичье! (Мите.) И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не

было вперед! (*Походит к столу и рассматривает бумаги.*) Что бумаги-то разбросал!...

Митя . Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч (*берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами*). А это еще что за глупости?

Митя . Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч . Какие нежности при нашей бедности!

Митя . Собственно, для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч . Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?... А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сергучишко новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя . Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч . Матери посылаешь! Ты себя-то бы обр#9633зил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай сама хлевы затворяла.

Митя . Уж пушай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч . Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет; образованье себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю.*) Дурак! (*Помолчав.*) Ты и не смей показываться в этом сергучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! (*К Разлюляеву.*) А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребают, а тебя в этаким зипунишке водят.

Разлюляев . Что ж такое! Он новый... сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублей аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч . Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев . Уж ладно.

Гордей Карпыч (*строго*). Что?

Разлюляев . Ладно, мол.

Гордей Карпыч . Неуч, и сказать-то путно умешь! Говорить-то с вами – только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Торцова.

Разлюляев . Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя (*Гуслину*). Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев . Да от этакова житья – запьешь, право запьешь! А ты брось, не думай. (*Запевает.*)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна . Мир честной компании!

Разлюляев . Милости прошу к нашему шалашу.

Митя . Наше почтение-с! Милости просим!... Какими судьбами?...

Анна Ивановна . А никакими, просто – взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй – не хочу!...

Митя . Просим покорно садиться.

Садятся; Митя садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна . Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, – пойдёмте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и люблю.

Любовь Гордеевна . Что ты выдумываешь-то! Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна . Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев . Ха, ха, ха!... Это вы, Анна Ивановна, я точности говорите.

Любовь Гордеевна . Вот уж никогда!

Маша (*Лизе*). Ах, стыд какой!

Лиза . Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна . Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна . Девушка девушке рознь.

Маша . Ах, стыд какой!

Лиза . Что вы говорите, это даже для нас очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев . Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна . А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!... Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев . Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна . Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев . Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, мы знаем! (*Приплясывает.*)

Как гусара не любить!

Это не годится!

Анна Ивановна (*подходит к Гуслину*). Что же ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин (*играя на гитаре*). А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. (*Кивает ей головой.*) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна . Что ты говоришь!... Неужто!

Гуслин . Уж это верно так.

Анна Ивановна . Ну, так хорошо, молчи! (*Говорят шепотом.*)

Любовь Гордеевна . Ты, Митя, придешь к нам уже вечером?

Митя . Приду-с.

Разлюляев . И я приду. Я больно плясать горазд. (*Становится фертом.*) Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша . Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев . Что ж такое за важность! Я говорю – полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза . Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев . Да, дождешься от вас, как же! *(Пляшет.)*

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна *(взглянув на Митю)*. Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза . Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша . Конечно.

Анна Ивановна *(подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запекает)*.

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит -
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.

Митя . На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна . Уж мы знаем на чей.

Разлюляев . Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна . Спой, спой!

Разлюляев *(поет протяжно)*.

Летал медведь по поднебесью...

Анна Ивановна . А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза . Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев . А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. *(Поет.)*

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться -
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.

(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овес -
Больно дорого провоз!
Видите, погода какова!

Маша . Это к нам не относится.

Лиза . Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна . Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла – да не девка; с хвостом – да не мышь?

Разлюляев . Это штука мудреная!

Анна Ивановна . То-то мудреная!... Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдете.

Девушки встают и собираются идти.

Парни, пойдете.

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя . А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются*).

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незванный гость.

Анна Ивановна за дверь пропускает всех, исключая Любви Гордеевны, затворяет и не пускает ее.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна (*у двери*). Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверь девичий смех.

Не пускают!... Ах, какие! (*Отходит от дверей*). Баловницы, право!...

Митя (*подавая стул*). Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, видимши вас у себя.

Любовь Гордеевна (*садится*). Чему тут радоваться, я не понимаю.

Митя . Да как же-с!... Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастье-с...

Любовь Гордеевна . Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя . Ах, нет, не уходите-с!... Для чего же-с!... (*Вынимает из кармана бумагу*.) Позвольте мне презентовать вам мой труд... как умею, от души.

Любовь Гордеевна . Это что такое?

Митя . Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна (*стараясь скрыть радость*). Еще, может быть, глупость какая-нибудь... не стоит читать.

Митя . Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учимшись.

Любовь Гордеевна . Прочитай.

Митя . Сейчас-с. (*Садится подле стола и берет бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.*)

Не цветочек в поле вянет, не былинка, -
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастье себе да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девице не быти.

Любовь Гордеевна (*сидит несколько времени задумавшись*) . Дай сюда. (*Берет бумагу и прячет, потом встает.*) Я тебе сама напишу.

Митя . Вы-с?!

Любовь Гордеевна . Только стихами я не умею, а так, просто.

Митя . За великое счастье почту для себя ваше такое одолжение-с. (*Дает бумагу и перо.*) Извольте-с.

Любовь Гордеевна . Жаль только, что скверно пишу-то. (*Пишет.*)

Митя хочет заглянуть.

Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя . Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Любовь Гордеевна (*положив перо*). Пиши, пожалуй... Только пальцы все выпачкала, кабы знала, лучше бы не писала.

Митя . Пожалуйте-с.

Любовь Гордеевна . На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. (*Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.*)

Митя . Будет по вашему желанию-с.

Любовь Гордеевна (*встает*). Придешь к нам наверх?

Митя . Приду-с... сию минуту-с.

Любовь Гордеевна . Прощай.

Митя . До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна . Ах!

Любим Карпыч (*указывая на Любовь Гордеевну*). Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сомнение.

Любовь Гордеевна . Это вы, дяденька!

Любим Карпыч . Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доказчик, а кладу все в ящик, – разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна . Прощайте! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч . Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя . Милости просим.

Любим Карпыч (*садится*). Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское – бррр... И руки-то озябли, и ноги-то ознобил – бррр...

Митя . Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч . Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то... как собака замерзну.

Митя . Как можно, что вы говорите!...

Любим Карпыч . Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам; а денег нет – нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!... Деревни не

купишь!... Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

Митя . Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Любим Карпыч . Зачем я пью?... От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?

Митя . Так вы лучше перестаньте.

Любим Карпыч . Нельзя перестать: на такую линию попал.

Митя . Какая же это линия?

Любим Карпыч . А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да векселями. Ну, уж как он там разделил – не наше дело, Бог ему судья! Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил...

Митя . А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Любим Карпыч . Я все трагедию ходил смотреть, очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный. *(Встает.)* «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» *(Садится.)* Таким-то п□□бытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут!

Митя . Как же вы жили, Любим Карпыч?

Любим Карпыч . Как жил? Не дай Бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на Божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят... Все видели, какие я штуки выделывал, на лихачах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый... Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! *(Сидит повеся голову.)* Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная – воровать. Да не гожусь я на это дело – совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

Митя . Последнее дело!

Любим Карпыч . Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копейке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаяешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

Митя . Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Любим Карпыч . Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку – не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну вот слушай! Простудился я в городе – зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в

рассудок приходит, хмелью-то нет в голове – страх на меня напал, ужась на меня нашла!... Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить Богу помолиться да идти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!... Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, – куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну да, я думаю, Бог с ним, у него вот эта кость очень толста. *(Показывает на лоб.)* Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи... *(Дремлет.)* Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя . Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч *(встает)*. Митя, ты мне денег не давай... то есть много не давай, а немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!... Только я немного... ни-ни!... Будет дурачиться.

Митя *(вынимает деньги)*. Вот извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч *(берет)*. Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра не надо. Ты дай мне еще семитку, вот и будет в настоящий такт. *(Митя дает.)* Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! *(Ложится.)* Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство – зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все... Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается... фу, фу, фу, трр!... вот как брат, да как я, скотина... *(Полусонным голосом.)* Митя, я ночевать к тебе приду.

Митя . Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любим Карпыч *(засыпая)*. А я с братом смешную штуку сделаю. *(Засыпает.)*

Митя *(подойдя к двери, вынимает письмо из кармана)*. Что-то тут? Боюсь!... Руки дрожат!... Ну уж, что будет, то будет – прочитаю. *(Читает.)* «И я тебя люблю. Любовь Торцова». *(Схватывает себя за голову и убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна . Что ж это они не идут, соколы-то наши?... Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна . Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. *(Обнимает ее.)* Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна . Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна . Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!...

Анна Ивановна . А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна . Парень-то хороший... Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна . Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна . Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем, да и поблекнет.

Анна Ивановна . Постой-ка, девушка, никак кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он... Потолкуете по душе. (*Уходит.*)

Входит Митя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна . Кто там?

Митя . Я-с, Митя.

Любовь Гордеевна . Что ж ты так долго не шел?

Митя . Меня задержали-с. (*Подходит.*) Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна . Одна. А что?

Митя . Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна . Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя . Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тем заверить. что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна . А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя . Это неправда-с.

Любовь Гордеевна . Право, мне так сказывали.

Митя . Если б это было правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Любовь Гордеевна . Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

Митя . Пушай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна . Почему знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя . Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! (*Отворачивается.*)

Любовь Гордеевна . Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. (*Берет его за руку.*)

Митя . Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.

Любовь Гордеевна . Да не сердись.

Митя . Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! (*Обнимает ее.*) Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна (*прижимаясь к нему*). Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя . Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна . А ну, как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя . А вот что, Люба: одно слово – надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна . Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. (*Прилегает к нему на грудь.*) А ну как тятенька да не захочет нашего счастья, что тогда?

Митя . Что загадывать вперед, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Любовь Гордеевна . Идет кто-то!... Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

Митя тихо уходит; Арина входит со свечой; Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

Арина . Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмеяна царевна.

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. (*Смотрит по углам.*) И я-то, дура, на кого подумала! (*Зажигает свечи.*) Ведь ишь ты, грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка . Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (*Пляшет.*)

Арина . Чему ж ты рад-то, глупый!

Егорушка . Еще б не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!... (*Прыгает.*)

Арина . Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка . Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина . Да что ты, постреленок?

Егорушка . Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина . А ты сам нарядись.

Егорушка . Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина . Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка . В секунт! (*Уходит.*)

Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна . Аринушка, послала ты за девушками-то?

Арина . Послала, матушка.

Пелагея Егоровна . То-то. Пусть попойт с нашими-то. Любушку с гостями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды... да; известно, дело девичье, взаперти да взаперти, свету не видят... Ну, а теперь их праздник... да, уж пусть их, пусть их!

Арина . Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна . Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которым; ну, а молодым пряничков, конфеток, там что знаешь... да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина . Знаю, матушка, знаю! Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас!

Пелагея Егоровна . Да молодцам-то закусточки.

Арина . Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все с удовольствием сделаю. *(Уходит.)*

Пелагея Егоровна *(подойдя к двери)*. Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна *(старухам)*. А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле нее; Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале, обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза . Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев . Это не в наш ли огород?

Лиза . Не об вас речь; ваше дело сторона. *(Продолжает.)* Но за что же, маменька, я должна его любить... *(Говорит шепотом.)*

Пелагея Егоровна . Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит, что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая... да... чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели... да, в родню в свою: у нас весь род веселый... песельники.

1-я гостья . Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья . Нету, нету.

Пелагея Егоровна . Я молодая-то была первая затейница – и попеть, и поплясать – уж меня взять... да... что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья . Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья . Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна . Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Разлюляев *(девушкам)*. Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза . Какого вам толку, я не понимаю.

Маша . Даже смешно слышать.

Разлюляев . Да, вам смешно, а мне-то каково? За что в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна . Сядемте.

Садятся.

Гуслин *(поет)*.

За реченькой за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках

Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад -
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать -
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плести -
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку -
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать -
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.

Арина (*входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками*). Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (*девушке*). Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят – мы старухи, да... (*Пьют.*) Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вот, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. (*Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.*)

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! (*Подходит с Гуслиным и пьет потом, ухватив Арину.*) Ну-ка, тряхнем стариной! (*Поет.*)

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерему, про Фому...

Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев (*поет*).

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.
Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!... Ну те совсем! (*Уходит.*)

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостя. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев (*топнув ногой*). У нас вот как! (*Перестает плясать*.)

Егорушка (*входит*). Девушки пришли.

Пелагея Егоровна . Ну зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
Слава!
Кому спели -
Тому добро.
Слава!
Кому вынется -
Тому сбудется.
Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдает Любови Гордеевне.

Пелагея Егоровна . Пора уж, пора.

Девушки (*запевают*).

Сидит воробей
На Беле-городе.
Слава!
На Беле-городе,
На высокой стене.
Слава!
Глядит воробей
На чужу сторону.
Слава!
Кому вынется -
Тому сбудется.
Слава!

Арина (*входит*). Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна . Что ж, пусти, пусть попляшут. А вы, девушки, после почете.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Старик (*кланяется*). Всей честной беседе поклон.

Вожак . Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик . Прикажете попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна . Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик . Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. (*Заневает.*)

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали -
Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошням
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят -
Во кабак идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабак скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(Отходит в сторону.)

Егорушка *(пляшет с патокой)*.

Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Зима, зимушка-зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятьеливая -
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Сидит моя женка,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я гостья . Ишь ты какой молодец!... а!

Пелагея Егоровна . Что ж, матушка, по детству, как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На тебе пряничка... (*Дает.*)

Егорушка кланяется и уходит.

Да... ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

Старик (*поет*).

Как у нас-то козел
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил -
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел,
Он во темный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.

Вожак (*медведю*). Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

Пелагея Егоровна . Аринушка, попотчуй ряженных-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

Вожак . А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ. А как красные девицы, молодые молодницы белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честным господам. (*Отходят.*)

Старик играет на гитаре, прочие ряженные пляшут; все на них смотрят; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует; Разлюляев подходит.

Разлюляев . Это ты что делаешь?

Митя . А тебе что за дело?

Разлюляев . Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя . Ты у меня пикни только!

Гуслин (*наступает на него*). Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда: дело-то ночное, а переулочек-то у вас глухой, так ты помни это!

Разлюляев . Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

Митя . Увидим.

Разлюляев . Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!... А у нас денег много!...

Арина . Ведь ишь ты шум какой!... Перестаньте вы!... Никак, кто-то стучит...

Все прислушиваются.

Так и есть... стучат.

Пелагея Егоровна . Отопри поди.

Арина (*уходит, потом возвращается*). Сам приехал!

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч (*к ряженым*). Это что за сволочь!... Вон! (*К жене*.) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо*.) Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна . Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов . Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе... Да у вас веселье! Вот как мы в пору попали.

Пелагея Егоровна . А я вот с девушками... Да, я все с девушками. Что ж, Святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч . Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(*К жене*.) Гони девок-то вон!

Коршунов . За что их гнать! Кто ж девушек гонит... Хе, хе, хе... Они попоют, а мы послушаем, да посмотрим на них, да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч . Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключай из этого про наше необразование – вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову. (*К жене*.) Сколько раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было по всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна . Ну уж, куда нам музыкантов... старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч . Вот какие у них понятия об жизни. Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна . Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан

Савич, винца с нами, со старухами. (*Наливает мадеры*.)

Гордей Карпыч (*строго*). Жена! С ума, что ль, сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать... полдюжины... да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой эффект будет.

Пелагея Егоровна . Сейчас сама все сделаю. (*Встает*.) Аринушка, пойдем. Извините, соседушки.

1-я гостья . Э, матушка, и мы с тобой пойдем. У; нам и ко дворам пора.

2-я гостья . Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья . Ох, лихи, лихи!...

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев.

Коршунов . Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! (*Подходит к Любови Гордеевне*.) Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!...

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна . Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна . Садитесь, так гости будете.

Коршунов . Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна . Зачем эти нежности заводить.

Коршунов . Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!... Хе, хе...

Гордей Карпыч . Сделай милость, без церемонии.

Коршунов . Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна . Если тятеньке угодно... (*Целуется*.)

Коршунов . Ну, да уж со всеми по порядку.
Анна Ивановна . Я, пожалуй! Я не спесива.
Маша . Ах, стыд какой!...
Лиза . Ну уж, нечего сказать, велика приятность!
Гордей Карпыч (*подходя к Мите*). Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!
Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.
Коршунов (*сидя под Любви Гордеевны*). Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе! а я вам подарочек принес.
Любовь Гордеевна . Напрасно беспокоились.
Коршунов . Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе... (*Отдает.*)
Любовь Гордеевна . Это серьги. Покорно вас благодарю.
Анна Ивановна . Покажи-ка.
Маша . Но это прелестно!
Лиза . И с большим вкусом!
Коршунов . Дайте мне вашу ручку-то. (*Берет и целует.*) Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе! очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?
Любовь Гордеевна . За что же мне вас не любить?
Коршунов . За что? Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе...
Любовь Гордеевна . Я не знаю, что вы говорите.
Коршунов . Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар... (*Смотрит на нее.*) Али старенок? хе, хе, хе... Ну что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь денег-то нет, я человек бедный... Так каких-нибудь сот пять тысяч... хе, хе, хе, серебром!... (*Берет за руку.*)
Любовь Гордеевна (*вставая*). Не нужно мне ваших денег.
Гордей Карпыч . Любовь, куда ты?
Любовь Гордеевна . Я к маменьке!
Гордей Карпыч . Останься, она сюда придет.
Любовь Гордеевна садится.
Коршунов . Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.
Любовь Гордеевна (*дает руку*). Ах, Боже мой!
Коршунов . Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (*Гладит своей рукой и потом надевает бриллиантовый перстень.*)
Любовь Гордеевна (*освобождая руку*). Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.
Коршунов . Ничего, мне это не убыток, авось не разорит.
Любовь Гордеевна . Да мне-то не надо. Дарите кому хотите. (*Снимает и отдает.*)
Коршунов . Дают, так назад не берут... хе, хе, хе.
Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.
Гордей Карпыч . Пойдем-ка выпьем.
Коршунов . Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна . Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч (*откупоривает, наливает и подносит*). Дорогому гостю Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна . Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно!

Коршунов берет.

Гордей Карпыч (*берет стакан*). Жена, выпей.

Пелагея Егоровна . Ох, не люблю я что-то этого вина-то... ну, да уж выпью стаканчик.

Девушки (*запевают*).

А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Африкан-от холост,
Савич неженатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится;
К лугам подъезжает -
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов (*сидясь подле Любови Гордеевны*). Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. (*Девушка подходит, он ее треплет по щеке.*) Ишь ты, востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые, на румяна на алые... хе, хе, хе... а у меня денег нет, за мной будет... хе, хе, хе... Держи фартук. (*Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.*) Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи жене-то, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч . Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, – будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна . Ах, ах, что вы?

Коршунов . А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили... Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна . Ах, ах, батюшки! (*Хватает дочь.*) Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч . Жена!

Пелагея Егоровна . Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!... Перестань!... Истомил всю душу.

Гордей Карпыч . Жена, ты меня знаешь!... Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано – сделано.

Коршунов . Обещал, так держи слово. (*Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.*)

Любовь Гордеевна (*подходит к отцу.*) Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!...

Гордей Карпыч . Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело – ты будешь жить на виду, а не в такой глуши; а другое дело – я так приказываю.

Любовь Гордеевна . Я приказу твоего не смею послушаться. Тятенька! (*Кланяется в ноги.*) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!... Передумай, тятенька!... Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!...

Гордей Карпыч . Я своего слова назад не беру. (*Встает.*)

Любовь Гордеевна . Твоя воля, батюшка! (*Кланяется и отходит к матери.*)

Коршунов . Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадьбишную!

Девушки (*поют*).

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленом,
Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горячею слезой.

Любовь Гордеевна . Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч . Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна . Куда мне деваться-то!...

Гордей Карпыч . Арина, перенеси вино.

Арина . Ох, постой, не до тебя. Дитяtko ты мое!... Девушки, голубушки, вот какую запоете. (*Запекает.*)

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница.
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядячи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешный!

Любовь Гордеевна . В останешный.

В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери; подруги окружают ее.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Небольшая комната в доме Горцова, заставленная разного рода шкафами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тесно. Вообще, эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арина сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько девушек и женщин.

Арина (*указывая в залу*). Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подружек. Не успели и опомниться!... Уж и что это на белом свете дется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордей Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да польстись на его богатство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она моя голубушка, сидит – на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопчках берегла!... А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковались. Не отдадим, говорю, тебя, дитяtko, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет, да у ворот в трубу затрубит. А вот и не

вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается – любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну вот покушали, встают, ступайте за дело. *(Встает со стула.)*

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна . Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола собирать... да... А я отдохну, посижу – устала.

Арина . Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!...

Пелагея Егоровна *(садится на диван)*. Ох... Да самовар-то чтоб туда подали в девичью, большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли-ко мне.

Арина . Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна . Да... поди, поди... Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то... И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что... Право... да... *(Садится задумавшись.)* Какой это жених, какой жених... ах, ах, ах!... Где тут любви ждать!... На богатство что ли она польстится?... Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого... Вот бы и житье... вот бы и рай...

Анна Ивановна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна . На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди, разлей гостям-то; ну да там все, что нужно, уж сама знаешь. Я-то уж ноги отходила, а тебе что – ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна . Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. *(Берет ключи.)*

Пелагея Егоровна . Вон там в шкапу чай-то, в ящичке в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна . Что тебе, Митенька, надобно?

Митя *(сдерживая слезы)*. Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения, и даже чего, может быть, и не стою... как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери... я... вами должен быть всю жизнь благодарен и всегда Богу молить-с. *(Кланяется в ноги.)*

Пелагея Егоровна . Да что ты, Митя?

Митя . Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! *(Встает.)*

Пелагея Егоровна . Куда ж ты?

Митя . К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна . Надолго ли же ты едешь?

Митя . Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе

останусь.

Пелагея Егоровна . За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя (*переминаясь*). Да так уж!... Уж что же... я уж так порешился.

Пелагея Егоровна . А когда же ты едешь?

Митя . Сегодня в ночь. (*Молчание*). Так, думаю, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна . Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно... Мы тебя не держим, Бог с тобой... Прощай!...

Митя (*кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается*). Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься... Что ж, ведь в одном доме жили... Либо жив буду, либо нет...

Пелагея Егоровна . Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!... Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (*покачав головой*). «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит слезы ронит, любил, да не взял». (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна . А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю... Ровно меня громом ошибло, в себя не приду.

Митя . Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна . Сами... сами... да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя . Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя дурного, не слышать.

Пелагея Егоровна . Знаю, Митенька, знаю.

Митя . А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любви Гордеевне за таким человеком, и притом в отдаленности, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна . Ох, уж не говори ты мне, не говори... и без тебя тошнехонько. Глаза-то все проглядела, на нее гляючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее про запас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (*почти плача*). Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!...

Пелагея Егоровна . Кабы не родная, так я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя . Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна . Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя . Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может, тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно как матушке родной откроюсь. (*Утирает глаза платком.*) Вечор-то, как у вас вечеринка-то была... (*Слезы мешают говорить.*)

Пелагея Егоровна . Ну, ну, говори, говори...

Митя . Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить (*утирает слезы*) ; а нынче вдруг поутру слышу... опустились мои

рученьки!...

Пелагея Егоровна . Что ты?!

Митя . Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна . Ах ты сердешный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна . Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке к своей.

Митя (*кланяется*). Прощайте, Любовь Гордеевна!... Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна . Прощай, Митя! (*Кланяется.*)

Пелагея Егоровна . Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет Бог и свидеться... да... что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет; Митя тоже плачет.

Будет будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

Митя . Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! (*Подходит к Пелагее Егоровне.*) Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого, аль нет?

Пелагея Егоровна . Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя . Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна . Говори.

Митя . Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки – да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке – да и повенчаемся. Эх! дайте душе простор – разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна . Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна . Что ты, Митя, выдумал!

Митя . Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна . Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна . Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя . Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спohватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна . Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посуды?

Митя . Конечно, без благословенья что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна (*становится на колени*), а Гордей Карпыч, может... и сам по времени как-нибудь...

Пелагея Егоровна . Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла... да... помешалась. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилась... Горько, горько моему сердцу, голубчики!...

Любовь Гордеевна (*подходит к Мите*). Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимает его.*) Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай!

Митя . За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалась?

Любовь Гордеевна . Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя

полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

Митя . Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! (*Кланяется Пелагее Егоровне.*) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна . Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай Бог тебе счастливо... а мы тебя не забудем.

Митя кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пелагея Егоровна и Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна . Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка... ах! А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться... да. Что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!... да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна . Ну, маменька, что там и думать чего нельзя, только себя мучить. (*Сидит молча.*)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна . Войдите, батюшка.

Коршунов (*входя*). А, вот она, невеста-то моя, куда спряталась... хе... найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна . Изволь, батюшка. (*Уходит.*)

Коршунов (*садится подле Любови Гордеевны*). Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вот я и постарше, да не плачу... (*Смотрит на нее проницательно.*) Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя (*берет руку и целует*), глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна . Говорите.

Коршунов . Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом – и не знает, чем утешить. (*Целует у нее руки.*) А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить... Вот вам раз... А то вот еще что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, – глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдут попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна . Нет, не знаю.

Коршунов . А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть, – гораздо побольнее

будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! *(Смеется судорожно и с кашлем.)* А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заломается, заважничает. А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет – прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал... *(Целует.)* Вот так.

Любовь Гордеевна . А вас та жена... покойная любила?

Коршунов *(смотрит на нее пристально)*. А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна . Так, хотелось знать.

Коршунов . Знать хотелось?... *(Встает.)* Нет, не любила, да и я не любил ее. Она и не стоила того, чтоб ее любить-то. Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна . Любви золотом не купишь.

Коршунов . Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю – тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! *(Разгорячаясь, ходит.)* Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой: я словом да взглядом, пуще чем делом, доеду; я прохожу... отдыху не дам человеку... я... *(Останавливается и хохочет.)* А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?... хе... хе... Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик... А уж вас-то я буду на руках носить *(припевает)*, в люлечке качать, приговаривать... *(Целует у ней руки.)*

Гордей Карпыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч . А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов . Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч . Ну, так мы велим сюда подать, да здесь, значит, с тобой и разопьем. *(Подходит к двери.)* Эй малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. *(Садится.)* Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов . Ничего.

Гордей Карпыч . Как ничего?

Коршунов . Так ничего.

Гордей Карпыч . Нет-таки, однако? *(Смотрит на него.)* Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов . Как не понимать.

Гордей Карпыч . Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов . Где же им оценить.

Гордей Карпыч . Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фициант в нитяных перчатках. Этот фициант, он ученый, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал.

Коршунов . Неужто всякую?

Гордей Карпыч . Всякую. Сколько б хватило моего капитала, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна . Я, тятенька, говорю что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч . Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка . Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйста сюда-с.

Гордей Карпыч . Что тебе?

Егорушка . Пожалуйста: история вышла-с. *(Смеется.)*

Гордей Карпыч *(подходя)*. Что там?

Егорушка . Да дяденька, Любим Карпыч, вошли.

Гордей Карпыч . Зачем пускали?

Егорушка . Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч . Что же он делает?

Егорушка . Гостей разгоняет-с. *(Хохочет.)* Вы, говорит, рады чужой хлеб есть... Я, говорит, тоже хозяин... я, говорит... *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч . Тсс... Снял он мою голову! *(Уходит с Егорушкой.)*

Коршунов . Что это там у них?

Любовь Гордеевна . Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находит.

Входят: Пелагея Егоровна, Разлюляев, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Любовь Гордеевна, Пелагея Егоровна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна *(в дверях)*. Где братец-то?... Где Любим Карпыч-то? Что он наделал – беда!

Любовь Гордеевна . Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев . Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха... ха... ха!... Такие пули отливает, что только люли!

Лиза . Совсем не смешно, одно невежество!

Маша . Я просто не знала, куда деваться от стыда. *(Садятся на диван.)*

Входит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Лиза . Ах, Боже мой, опять!

Маша . Это ужасно!

Разлюляев . Ха, ха, ха!...

Любим Карпыч . Гур, гур, гур... будь, буль, буль!... С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!... Приятелю! *(Протягивает руку Коршунову.)* Наше вам-с!... Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?

Коршунов . А, это ты, Любим?

Любим Карпыч (*загораживая лицо руками*). Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов . Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке собирал.

Любим Карпыч . Ты помнишь, как я по копеечке собирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов . А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч . Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть советно!

Коршунов . Ты все такой же шутник! (*Обращаясь к Любове Гордеевне.*) Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенькой.

Любим Карпыч . Тсс... Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!... Дешевле не отдам.

Коршунов (*смеется*). Уступки не будет?

Любим Карпыч . Ни копейки!

Разлюляев . Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч . А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов . погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе...

Любим Карпыч . Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдает, а я сшучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч . Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч . Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. (*Коршунову.*) Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Разлюляев . Вот так задача!

Коршунов . Почем я знаю.

Любим Карпыч . Для того, чтобы все знали, что он осел. (*Брату.*) Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч . Это не твое дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Любим Карпыч . А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный – не водись с бесчестным, не трись подле сажы – сам замараешься.

Коршунов . А ты шути, да не забывайся, любезный!... Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч . Это про тебя!... Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч . Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна (*вскакивает в испуге*). Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч . Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гости и прислуга.

Любим Карпыч . Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не

Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! *(Хохочет трагически.)*

Коршунов *(вскакивает)*. Не верьте ему, он врет, он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч . Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленькой, червяк ползуший, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч *(прислуге)*. Уведите его!

Любим Карпыч *(поднимая один палец кверху)*. Сс... Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!... О люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. *(Обращаясь к толпе.)* Шире дорогу – Любим Торцов идет! *(Уходит и тотчас возвращается.)* Изверг естества! *(Уходит.)*

Коршунов *(принужденно хохочет)*. Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе. Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да поклоняйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч . Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов . Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе...

Гордей Карпыч . Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого мне вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

Входит Митя и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Митя.

Митя *(обращаясь к толпе)*. Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч . Вот за Митьку отдам!

Митя . Чего-с?

Гордей Карпыч . Молчи! Да... за Митьку отдам... завтра же. Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршунов . Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, без Коршунова.

Пелагея Егоровна . За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч . За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться!»! Врет он, не пойду кланяться! Назло ему за Митрия отдам.

Все удивлены.

Митя *(берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу)*. Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша милость, так уж вы благословите нас, как следует – по-родительски, с любовью. Как любим мы друг друга, и даже до этого случая хотели вам повиниться... А уж я вам, вместо сына, то есть завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч . Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя . Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу

быть им ровней; но, впрочем, судите как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч . Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя . Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. *(Отходит.)* Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна . Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастья – отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна . Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь – за одного, то за другого. Что она тебе, на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч *(из толпы)*. Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч . Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч . Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна . Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Гордей Карпыч . Что ж я, изверг, что ли, какой в своем семействе?

Пелагея Егоровна . Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей изглупости... Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут.

Любим Карпыч . Пустите меня! *(Поет.)* Трум-ту-тум, трум-ту-тум! *(Пляшет.)* Посмотри на меня, вот тебе пример – Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил – знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч . Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч . Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! *(Становится на колени.)* Брат, отдай Любушку за Митю – он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет! Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок.

Пелагея Егоровна . Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч *(утирает слезу)*. А вы и в самом деле думали, что нет?! *(Поднимает брата.)* Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.)* Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин . Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч . Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Гуслин . Ну, Аннушка, дождалась и мы с тобой.

Анна Ивановна . Ну, теперь пойдет у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна . Уж попляшем, попляшем.

Рязлюляев (*подходит к Мите и ударяет его по плечу.*) Митя!... Для приятеля... все жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. (*Ударяет по руке.*) Одно слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! (*Утирается полой и целует Митю.*) А это он правду говорит: пьянство не порок... то бишь – бедность не порок... Вот всегда проврусь!

Пелагея Егоровна . Ах, да вот и все тут! (*К девушкам.*) Ну-ка, девушки, веселенькую... да, веселенькую... Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе...

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч . Тсс... Слушай команду! (*Запевает; девушки подтягивают.*)

У нас дело-то сделано...
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.